

8.700, что составляет около сорока студентов на каждую сотню тысяч жителей—приблизительно столько же, сколько въ Германіи. А у насъ на каждую сотню тысячъ населенія приходится по *четыренадцати* студентовъ!

Само собою разумѣется, что цифра *сорокъ тысячъ*, выведенная нами путемъ чисто-математическимъ, не выражаетъ собою нормальной численности русскихъ студентовъ. Въ области высшаго образованія Россія не можетъ не отставать отъ Германіи и даже отъ Австріи. Цѣлые милліоны русскаго населенія (инородцы въ Сибири, на Кавказѣ, въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи) не посылаютъ въ университеты почти ни одного студента; число зажиточныхъ семей у насъ гораздо меньше, бѣдность останавливаетъ многихъ въ самомъ началѣ пути или на полъ-дорогѣ; запросъ на высшее образованіе гораздо слабѣе, оно считается роскошью тамъ, гдѣ у нашихъ сосѣдей оно признается насущнымъ хлѣбомъ. Большимъ препятствіемъ служить и громадные разстоянія, не вездѣ уменьшаемыя удобствомъ путей сообщенія; другое, легче устранимое, но—пока оно существуетъ—крайне неблагоприятное условіе заключается въ той организаціи гимназій, въ силу которой оканчиваетъ у насъ курсъ только небольшой процентъ гимназистовъ. Все это вмѣстѣ взятое не позволяетъ и мечтать о томъ, чтобы отношеніе студентовъ къ народонаселенію достигло у насъ, въ близкомъ будущемъ, германскаго или австрійскаго уровня; но неужели оно требуетъ еще дальнѣйшаго пониженія или хотя бы искусственной неподвижности? Неужели число студентовъ, относительно *второе* меньшее чѣмъ за границей и даже абсолютно уступающее числу нѣмецкихъ студентовъ, все-таки еще слишкомъ велико, все-таки превышаетъ потребность въ образованныхъ людяхъ? Утвердительный отвѣтъ кажется намъ здѣсь совершенно немыслимымъ. Данные отчета, освѣщенные опытомъ другихъ государствъ, служатъ лучшимъ возраженіемъ противъ всякихъ рестриктивныхъ мѣръ, затрудняющихъ доступъ въ университеты. *Фактическая* возможность обойтись безъ образованныхъ людей существуетъ, конечно, во всякой области государственной и общественной жизни. Администраторами могутъ быть (и въ прежнее время бывали) недоросли изъ дворянъ, судьями—отставные фронтовики, учителями—недоучки; можно, пожалуй, и лечиться у знахарей или, въ лучшемъ случаѣ, у фельдшеровъ—но къ чему, спрашивается, должны привести всѣ эти аномаліи? Что сказали бы мы о театрѣ, въ которомъ часть первыхъ амблуга была бы поручена фигурантамъ?...

Въ высшемъ образованіи есть притягательная сила; чѣмъ дальше оно идетъ въ ширь и глубь, тѣмъ живѣе чувствуется его внутренняя цѣнность, тѣмъ меньше выступаетъ на видъ чисто-служебное его